

Убийство чёрными буквами

Автор:

[Пол Андерсон](#)

Убийство чёрными буквами

Пол Уильям Андерсон

Трюгве Ямамура #2

Позвольте представить. Трюгве Ямамура – частный детектив, эксперт по дзюдо и знаток самурайского меча. Он представляет тройную угрозу преступности Сан-Франциско, ведь его необычные навыки позволяют ему не терять голову, даже во время расследования самых необычных и загадочных преступлений.

Таких, например, как убийство Брюса Ломбарди – молодого ассистента исторического университета, чье изуродованное тело было найдено накануне на старой заброшенной дороге неподалеку от университета Беркли. Кто может быть заинтересован в смерти юноши? Что скрывают его возлюбленная и старший брат и причем тут старый японский меч?

Пол Андерсон

Убийство чёрными буквами

Примечание

Помимо Таффимаи Металлумаи все персонажи этой книги вымышлены, без намеренного сходства с любой реальной личностью, живой или мертвой. Описанные события тоже вымышлены. Отели, рестораны, компании и другие

деловые предприятия в реальности не существуют. Упоминаются два реальных института: Калифорнийский университет и полицейское управление города Беркли. Однако эти институты никоим образом не отвечают за действия и намерения вымышленных персонажей.

1

Сталь говорила между роз. Кинтайр парировал удар Ямамуры; его ответ пришелся по руке противника.

– Туше! – воскликнул детектив. Он снял маску и вытер пот с длинного, с широкими скулами лица. – Или это должны сказать вы? Во всяком случае на сегодня довольно.

– Не так плохо сегодня, Триг, – сказал Кинтайр. – И я слегка отомстил за все те случаи, когда вы заставляли меня кувыркаться в воздухе в додзе.[1 - Додзе – школа боевых искусств. – Прим. пер.]

Трюгве Ямамура щелкнул языком. Он выше шести футов, худой, его восточная часть проявляется главным образом в узких черных глазах и желтовато-янтарной коже. – Вы бы предпочли саблю? – спросил он.

Роберт Кинтайр пожал плечами.

– Рапира для женщины, а для шпаги я недостаточно быстр. К тому же профессиональный интерес. Сабля все-таки ближе к оружию эпохи Возрождения.

– Думаю, я буду держаться японских мечей.

Кинтайр кивнул. Он коренастый мужчина среднего роста, с прямыми черными волосами над квадратным лицом с курносом носом и мелкими чертами. Глаза под ровными бровями серые и расставлены необычно далеко друг от друга; больше ничего необычного в его внешности нет, если не заметить его походку. В несколько меньшей степени, чем у Ямамуры, эта походка отчетливо

свидетельствует, что человек прошел школу дзюдо.

Они были в саду в Беркли. Их окружали стены; главное здание сейчас пустое, потому что его владелец вместе с семьей на каникулах; за главным домом трехкомнатный коттедж, который арендует Кинтайр. С обеих сторон широкие живые изгороди со множеством цветов. Над головой высокое небо, и полуденное солнце освещает след самолета, летящего на заливом Сан – Франциско.

– Согласен: по сравнению с мечами самураев это все похоже на вилы, – сказал Кинтайр. – Но с мечами ничего нельзя делать, только коллекционировать их. Они слишком эффективны.

Ямамура достал из пальто трубку.

– Вы сегодня не работаете? – спросил он.

– Да. Последняя статья выправлена, последний отчет отправлен, и до осени у меня нет занятий. Здорово, хотя и накладно, быть свободным.

– Собираетесь в поход в Кангз Кэньон?

– Да. Мы с Брюсом Ломбарди должны выйти завтра. Но что могло случиться с Брюсом? – Кинтайр нахмурился. – Вчера вечером мне позвонила его девушка, сказала, что он ушел накануне, в субботу, и все еще не вернулся. Она встревожена. Я тоже начинаю тревожиться.

– Хм. – Ямамура насторожился. У его агентства, маленького и нового, в этот момент не было дел. Но он сказал всего лишь с дружеской озабоченностью: – Похоже на убежавшего ребенка. Я не очень хорошо его знаю, просто встречались в разных местах несколько раз.

– В том-то и дело, – сказал Кинтайр. – Это не похоже на него. Сегодня о нем спрашивал декан: Брюс не пришел на занятия, а обычно он очень обязательен. – Он помолчал. – С другой стороны, в последние дни у него неприятности и... но я не решаюсь...

На дорожке прозвучали шаги. Аккуратный, с военной выправкой мужчина вышел из-за дома.

– Офицер Моффат, – сказал Ямамура. Он раньше служил в полиции Беркли, пока не стал работать самостоятельно. – Что случилось?

– Привет, Триг, – сказал полицейский. Он повернулся к Кинтайру. – Вы профессор Роберт Кинтайр?

– Только ассистент профессор, [2 - В американских вузах все преподаватели именуется профессорами. Но есть три степени: младшая – ассистент профессор, средняя – ассошиэйтид профессор и высшая – фул профессор. В нашей вузовской системе примерно: старший преподаватель, доцент и профессор. – Прим. пер.] пока никаких иных хитросплетений.

Почему он ответил шуткой, подумал он. Оттягивает что-то?

– Здравствуйте. Жаль вас тревожить, сэр, но мы пытаемся опознать молодого человека, найденного мертвым сегодня утром. Мне сказали, что человек с такой внешностью работает ассистентом на историческом факультете и что вы лучше других знаете его.

Голос звучал сочувственно, но Кинтайр на несколько мгновений застыл. Потом сказал:

– Я знаю много молодых людей, но, возможно, – Брюс Ломбарди?

– Мне назвали это имя, – сказал Моффат. – Мне сказали, что вы были его руководителем на факультете.

– Да. – Кинтайр порылся в поисках сигареты, но не нашел. – Как он умер?

– Если это он. Вы могли бы опознать его для нас? Предупреждаю: это не очень приятно.

– Я и раньше видел мертвецов, – сказал Кинтайр. – Идемте.

Он пошел к улице.

- Ваша одежда, - мягко сказал Моффат.

- О, да. Да. Спасибо. - Кинтайр стал возиться со своей защитной одеждой. Снял и бросил на траву. - Приберите это для меня, хорошо, Триг? - Голос его звучал неуверенно. - Я вам позже позвоню.

- Конечно, - негромко ответил Ямамура. - Звоните в любое время.

Кинтайр вслед за Моффатом пошел к полицейской машине. Из жилого массива машина влилась в уличное движение. Моффат, сидевший за рулем, показал на зажигалку.

Кинтайр затаился и снова спросил:

- Что случилось?

- Похоже, он был убит. - Моффат посмотрел на широкие плечи пассажира и вниз на его мощные запястья и кисти. - Сначала поедem в отделение, если не возражаете. Там вы сможете поговорить с инспектором Харрисом.

В следующие часы Кинтайр ответил на множество вопросов. Казалось, инспектор Харрис не сомневался в том, чье это тело, но ни в чем другом не был уверен.

- Брюс Ломбарди. Двадцать четыре года, говорите? Пять футов девять дюймов, стройный, карие глаза, короткие каштановые волосы... хм. Очки он носил?

- Да. Он был близорукий. Очки в роговой оправе.

- Какую одежду он обычно носил?

- Все, до чего мог дотянуться. Он был не очень аккуратен в одежде. Помню... ну, это неважно.

– Пожалуйста, расскажите, доктор Кинтайр. Это может иметь значение.

– Вряд ли. Это было лет пять назад. Я был ассистентом, надеялся стать инструктором, а он – первокурсник, с расчетом на магистра на нашем факультете – истории; я вам говорил об этом? Устроили что-то вроде чая, неформально, понимаете. Он явился в поношенном твидовом пиджаке и в старых потертых и застиранных джинсах. Он искренне считал, что это подходящая одежда... Неважно. Тогда это казалось очень забавным.

Кинтайр погасил сигарету (пятую, шестую, двенадцатую?) и глубоко вдохнул. Он слишком поддается всему этому, подумал он. Болтает, как старуха, потрясенная до потери ума. Как будто он раньше никогда не встречался со смертью.

Он попытался опереться на то, чему научился в додзе, в школе дзюдо. Дзюдо – лишь отчасти спорт, это также философия, Мягкий Путь, со многими аспектами, и первое требование – уметь полностью расслабиться. Пассивный человек готов ко всему, потому что сам может стать кем угодно.

Но попытка была неудачной. Кинтайр интересовался дзюдо только несколько лет, в целом он был человеком Запада. Он с неожиданной ясностью понял, почему смерть Брюса так его поразила: снова ушел тот, кто был ему не безразличен, и начал просыпаться ужас, который он носит в себе двадцать лет.

– Вы плохо себя чувствуете, доктор Кинтайр?

Харрис, вежливо озабоченный, наклонился над столом.

– Простите, что подвергаю вас такому напряжению. Если хотите немного отдохнуть...

– Нет. – Кинтайр в какой-то степени успокоился. – Я был потрясен, но... Продолжайте. Если Брюс действительно убит, я определенно хочу сделать все, чтобы помочь вам найти убийцу.

Инспектор задумчиво посмотрел на него.

– Вы с ним были очень близки, не так ли?

– В некотором смысле. Он почти на одиннадцать лет моложе меня и жил ... замкнутой ... ограниченной жизнью. Не обеспеченной в обычном смысле, его семья бедна, но ограниченной. Он был очень мирный человек, и вся его жизнь с поступления в колледж была связана только с книгами. От этого он казался еще моложе.

Кинтайр вздохнул.

– Мы стали друзьями, насколько это возможно в таких обстоятельствах, – закончил он. – Может, я смотрел на него как на сына. Но я не женат и не могу быть в этом уверен.

– Он ничего такого не говорил вам, что заставило бы подумать, что у него серьезные неприятности?

– Нет. Абсолютно нет. Я знаю, что его старший брат связался с сомнительными людьми в Сан-Франциско, и это его беспокоило, но он никогда не говорил, что происходит что-то плохое.

– Посмотрим. – Харрис просмотрел свои записи. – Я понял, что он оставил квартиру... этой своей подруги в шесть часов вечера в субботу, сказав ей, что у него дела в Городе и она не должна его ждать. Она встревожилась и позвонила вам вечером в воскресенье. А сегодня рано утром патрульная машина обнаружила его на старой дороге, идущей параллельно шоссе, у поворота на Эшби-авеню.

– Вы работаете быстро, – сказал Кирби. Или я сам рассказал все это? подумал он. Есть минуты, которые я помню очень смутно. Мне приходится бороться с собой.

– Что вы делали в уикэнд? – небрежно спросил Харрис.

– О, посмотрим... В субботу утром я возился в гавани яхт, кое-что делал со своей лодкой. Вернулся домой в середине дня, проверял работы и прочее, потом вечером вышел и выпил пиво с другом – доктором Левинсоном с философского факультета. В воскресенье утром плавал под парусом в заливе, позже закончил проверку. Вскоре после звонка мисс Таун меня пригласили к Джеральду Клейтону в «Фэйрхилле». Мы там немного выпили и допоздна разговаривали. Сегодня утром я сдал последние отчеты в университет, вернулся домой и

упражнялся с Тригом Ямамурой, когда пришел ваш человек.

- Похоже, у вас очень надежное алиби, – улыбнулся Харрис. – Впрочем, мы никого не подозреваем по эту сторону Залива.

- Почему?

Рот Харриса напрягся.

- Доктор Кинтайр, в ближайшие несколько дней, вам, несомненно, зададут множество вопросов. Сейчас выскажите все самое трудное, потом встретитесь с друзьями и снова выпейте. Это мой совет.

Они обменялись рукопожатиями, чувствуя, что это театральный жест, испытывая поэтому замешательство и не зная, как его преодолеть. Моффат через весь город повез Кинтайра туда в Окленде, где находилось тело.

Они вошли в холодное помещение. Кинтайр заставил себя идти первым. Он подошел к телу, закрытому простыней, и отвернул покрытие.

Немного погодя он повернулся.

- Брюс Ломбарди, – сказал он. – Да.

- Мне жаль... Дьявольщина. – Моффат отвернулся. – Он был красивым молодым человеком. Правильные черты лица, все такое. Наверно, родители им гордились.

- Они заплатили за его учебу в колледже, – сказал Кинтайр. – С тех пор он работал ассистентом, но первые четыре года тяжело достались бедной семье.

- И теперь они увидят это. – Моффат стоял, сжав кулаки, и говорил очень быстро. Он тоже молод и более потрясен, чем его начальник. – Посмотрите на эти ожоги... следы... Они по всему телу. И он все время был в сознании, ну, может, забывался на несколько мгновений... Ни следов дубинки, ни хлороформа, только рубцы от веревок. А когда он умер, убийцы отрезали пальцы и изуродовали лицо, чтобы нам трудней было опознать. Надели на него пальто и старые брюки и бросили в воду у берега. Двадцать четыре, говорите? Вот что

увидят старики Ломбарди вместо своего двадцатичетырехлетнего сына. Боже. И, конечно, мне придется везти сюда его отца.

– Думаете, это был садист?

– Конечно. По крайней мере у одного из убийц есть такая склонность. Нужно свихнуться, чтобы сделать такое. Да, я уверен, что это была профессиональная работа. пытка была методичная, почти аккуратная, с определенной целью. Это заметно. Когда они добились своего: он заговорил или еще что-то, – ему перерезали горло – аккуратно и в чисто гангстерском стиле – и изуродовали лицо по очень логичной причине: чтобы затруднить нам опознание. Им не стоило бросать его в Беркли. Полиция Беркли знает так много людей из университета, что мы сразу подумали: такой приличный молодой человек должен быть в кампусе, и сразу это проверили. Но это была их единственная ошибка. А моя в том, что у меня работа, что я должен буду показать это его отцу.

– Это обязательно нужно делать?

– Таков закон. Я бы хотел, чтобы было по-другому.

Моффат сделал движение, чтобы вернуть простыню на место, но Кинтайр сделал это первым. Прикрыть лицо Брюса значит положить конец чему-то. Хотя истинный занавес опустился несколько часов назад, подумал Кинтайр, когда Брюсу ломали и обжигали руки, пока он не умер. А потом ему отрезали пальцы. Может, занавес вообще еще не опустился.

2

Когда Кинтайр вернулся, солнце уже садилось. Он вошел в гостиную, уставленную книгами. На стенах несколько хороших картин, проигрыватель, его сабли Триг развесил на стене, мебель подержанная или сделана из старых ящичков – и больше почти ничего. Кинтайр не считал, что нужно загромождать квартиру.

Он налил себе выпить. Гленливет[З - Гленливет – сорт шотландского виски. – Прим. пер.] – единственная роскошь, которую он себе позволяет. Нет никаких причин, по которым этот мальчик должен был занять такое большое место в жизни Кинтайра, но каким-то образом он это сделал. И пустота причиняла боль.

Когда зазвонил телефон, Кинтайр был рядом и поднял трубку, еще сознательно не зарегистрировав сигнал. Но не удивился, услышав голос Марджери Таун.

– Боб? Знаешь?

– Да. Мне жаль. Не могу сказать, как жаль.

– Могу догадаться. – Голос ее звучал бесстрастно: должно быть, изо всех сил пытается держать себя в руках. – Мы оба его любили.

– Его все любили.

– Кто-то не любил, Боб.

– Наверно, тебе сообщила полиция?

– Они были здесь несколько минут назад. Знают ли они всё?

– Вероятно. Я дал им твое имя. Они связались сначала со мной – для опознания.

– Они были очень вежливы и все такое, но...

В трубке тишина.

– Боб, можешь прийти и поговорить со мной? Сейчас?

– Конечно, милая. Дай мне полчаса.

Кинтайр одной рукой повесил трубку, а другой начал раздеваться. За десять минут он принял душ и передел костюм.

Квартира Марджери наискосок, и университет находится на середине. Кинтайр припарковал свой побитый «'48 де сото» на углу кампуса и пошел, надеясь вернуть упругость мышцам и привести мысли в порядок.

Ровный желтый свет проходил через листву эвкалиптов и заливал подстриженную траву газонов и пышные белые здания, в которых в это время, между церемонией посвящения в бакалавры и началом летних занятий, почти никого нет. Кинтайр неопределенно подумал, что ему придется просмотреть стол Брюса, закончить его работу и, да, завершить его исследование «Книги ведьм»... Его мысли перешли к практическим проблемам. Что ему делать с Марджери?

Он хотел бы помочь ей, если бы мог – будь все дважды проклято, разве он не пытался раньше? Но с другой стороны, он не собирается – еще раз: не собирается ввязываться. Это было бы нечестно по отношению к ним обоим.

У этой игры есть правила, и они играли по ним. Вы оставляете в покое жен и девственниц, но она давно разведена и с тех пор спала не с одним мужчиной. Ничего не берешь у женщины и ничего не даешь ей. Совершенно отчетливо даешь ей понять, что тебя ничто постоянное не интересует. А когда бросаешь ее после нескольких приятных месяцев, делаешь это чисто; у него был лучший в мире предлог: в 1955 году он получил академический грант для года жизни в Италии и продолжения исследований по его специальности – Возрождению. (Но последние несколько недель она была необычно тиха; иногда по ночам он слышал, как она пытается не заплакать.) Вернувшись, вы не возобновляете прежние отношения; сохраняете дружеские отношения в тех случаях, когда приходится встречаться.

Да, конечно. Но тогда она встретила с Брюсом, и Брюс хотел на ней жениться, а она серьезно подумывала об этом, а теперь Брюс мертв, а Кинтайр идет к ней, чтобы утешить. Можно ли зайти и сказать: «Привет, я по-прежнему сторонник философии «кота в мешке», поэтому буду осторожен; а теперь можешь поплакать у меня на плече»?

Он понял, что держит в губах погасшую сигарету. Выбросил ее и остановился, чтобы закурить новую. Он почти у здания, в котором его собственный факультет.

– Добрый вечер.

Кинтайр поднял голову. К нему направлялся Джейбез Оуэнс.

- Привет, - ответил он. - Как дела? Прошу прощения, но мне нужно...

Оуэнс подошел к нему и взял за руку.

- Старина, - произнес он с самым отчетливым гарвардским акцентом, - мне ужасно жаль.

- Да?

- Молодой Ломбарди. Я видел в газетах. Вы знали?

- Да.

Кинтайр холодно посмотрел на Оуэнса. Писатель - рослый мужчина, но ширина его плеч - заслуга исключительно портного. У него румяное лицо, темные волнистые волосы, седеющие у висков, голубые глаза за очками в железной оправе, твидовый костюм с платком в верхнем кармане пиджака и трубка-калабаш.

- Я знаю, что он был убит, - сказал Кинтайр, глядя Оуэнсу в лицо.

- Ужасно. Помню однажды на Суматре... но это было очень давно. Послушайте, - откровенно заговорил Оуэнс, - я знаю, что вы знаете о моих разногласиях с бедным молодым человеком. Да это было всего ... когда? В четверг мы были в гостях у Клейтона. Вы, должно быть, слышали, как мы спорили из-за его глупой работы. Но это! *De mortuis nil nisi bonum.*[4 - О мертвых либо хорошо, либо ничего, латин. - Прим. пер.]

Кинтайр не любил Оуэнса. Не как ученый, возмущенный популяризатором, гонящимся за сенсациями. Какого дьявола, книги Оуэнса пробуждают интерес в обществе; они сообщают некую информацию, хотя и искаженную; и это больше, чем можно сказать о средней исторической монографии. Но за то время, что он в Беркли, происходит непрерывное представление, в котором Джейбез Оуэнс выступает как автор сюжета и диалогов, как режиссер, продюсер, главная звезда, второстепенные действующие лица и массовка. Это очень скучно.

Поэтому Кинтайр зло сказал:

– Я закончу эту его работу. И, несомненно, мне придется искося взглянуть на эти ваши «Письма о Борджиа». Но мне потребуется некоторое время, у меня нет всех фактов и выводов, которые были у него. Поэтому советую вам быстрее отправляться в Голливуд и начинать кино.

Оуэнс рассмеялся хорошо рассчитанным смехом, не слишком громким для посмертного спора, не слишком легким, чтобы звучать искренне.

– Хотел бы принять ваш вызов, – сказал он. – Нет ничего лучше хорошей словесной перепалки, а это именно то, что давал мне мальчик. Кстати, я могу остаться здесь еще на несколько дней. А может, и нет. Но я остановил вас, чтобы выразить вам соболезнования и предложить помощь, если это возможно.

– В чем помощь? – спросил Кинтайр. Ему показалось странным совпадением, что Оуэнс проходит у этого здания именно в эту минуту.

– О, не знаю. Ни в чем, может быть. Вы как будто направляетесь к... – Оуэнс деликатно запнулся... – к дому его невесты. Кто-то говорил мне, что она живет здесь.

– Хм, да.

– Очаровательная девушка. Бедный Ломбарди. Она очень хорошая причина для того, чтобы не умирать. Пожалуйста, передайте ей мои сожаления. И – еще одно мгновение, если позволите.

– Да?

Кинтайр уже поворачивался, но остановился.

Оуэнс покраснел.

– Не поймите меня неверно. Это точно не мое дело. Но я бы сказал, что я, вероятно, на пятнадцать лет старше вас и, возможно – вероятно, я не должен давать вам советы. Но я хочу помочь вам. И ей. Уведите ее на вечер. Я знаю, что

они жили вместе. В ее доме будет слишком много воспоминаний. – Он кивнул – почти неловко. – Прошу прощения. Мне пора идти. Увидимся вскоре.

Кинтайр смотрел ему вслед. К черту все, что ты говоришь. В твоём теле нет ни одной подлинной кости!

Он взглянул на часы. Опаздывает. И, удлинив шаги, пошел по освещенному закатным солнцем тротуару.

Через замысловатые южные ворота, по нескольким заполненным магазинами кварталам на Телеграф-авеню, потом налево, чуть вверх по холму, по улице домов с меблированными квартирами и маленьких коттеджей. Квартира Марджери здесь; или следовало бы сказать, квартира Брюса? Он получал почту по другому адресу (сейчас там должны быть толпы зевак), но жил здесь.

Кинтайр поднялся на второй этаж. Позвонил. Марджери открыла дверь и закрыла за ним.

Брюс переселился сюда во время рождественских каникул, полгода назад, но интерьер по-прежнему был ее, воздушный и современный. Получив диплом бакалавра искусств в колледже, она со временем стала авторитетной фигурой в местной фирме декораторов. А Брюс был бы счастлив и в пещере, если бы в ней были полки с книгами.

И все же каким-то образом, думал Кинтайр, ожидая, пока Марджери заговорит, она сумела преобразовать пространство вокруг него. Пианино, на котором он играл, было настроено для него; большинство его записей, которые приятно иметь, здесь. Она взяла в рамку и повесила один из его рисунков – вид с холма Олбани на Золотые ворота; очертания моста заставляли посмотреть на рисунок вторично.

И, конечно, почти все книги были его, и она превратила одну комнату в его кабинет. Когда все это учтешь, получится, что только одежда и попугай принадлежали ей.

Я никогда так не действовал на нее, подумал Кинтайр. Квартира Марджери всегда заставляла меня нервничать. А Брюс сумел сделать ее внушающей мир.

- Здравствуй, - сказал он, поняв, что она не собирается говорить первой.

- Привет. - Она подошла к кофейному столику со стеклянной столешницей и открыла пачку сигарет. - Спасибо за то, что пришел.

- Не за что благодарить, - ответил он. - Ты можешь помочь мне больше, чем я тебе.

Она несколько мгновений смотрела на него, и он понял, что ответ был бестактный, со множеством намеков. Но потом она взяла сигарету и закурила.

- Выпьешь?

- Ну... ты, пожалуй, слишком много пьешь, малыш.

- Может, это ты пьешь недостаточно, - сказала она.

- Мне нравится вкус. Но не нравится быть пьяным.

- Боишься утратить контроль? Иногда, Боб, я думаю, что это все в тебе объясняет. Для тебя жизнь - это поездка верхом на тигре, и ты должен каждую минуту держать узду.

- Давай не будем любителями-психоаналитиками, - сказал он, идя вслед за ней на кухню. Подойдя сзади, он положил руки ей на талию. - И давай не ссориться. Прости, Мардж. Ужасно жаль Брюса и за то, что случилось с тобой.

Она наклонила голову.

- Знаю, Боб. Не трать слова. - Она взяла в рот сигарету, затянулась, выдохнула дым, опустила сигарету и стала вертеть ее в пальцах. - Продолжай, я смешаю. Мне нужно чем-то заняться.

Он вернулся в гостиную. Его взгляд остановился на пианино. Он увидел исписанные нотные листки и подошел посмотреть. Здесь и застала его Марджери, когда вошла с двумя стаканами.

– Садись, – пригласила она.

Он внимательно смотрел на нее, пытаясь понять ее потребности – и требования. Она невысока, с хорошей фигурой, хотя и склонна немного к полноте, и даже он мог оценить ее простое зеленое платье. Лицо широкое, со слегка курносый носом, очень полными губами, голубыми глазами под бровями дугой, с несколькими веснушками: подходящее слово «дерзкое». Рыжеватые волосы завитками спускаются за уши.

Он кивнул в сторону пианино.

– Брюс снова что-то сочинял, – сказал он.

– Он писал стихи на музыку своей сестры для маленького театра где-то в городе.

– Как он это делал? Я не умею читать ноты.

– Послушай. – Она села за пианино. – Я сама плохой пианист, но получишь представление.

За окнами сгущалась тьма. Марджери пришлось внимательней вглядываться в ноты; руки ее запинались за клавиши. И однако она произвела что-то очень мягкое. Впоследствии он вспоминал эти звуки как дождь в свои молодые годы.

Она кончила, резко проведя костяшками пальцев по клавиатуре. И когда звуки смолкли, сказала:

– Это все. Он так и не закончил.

– Я думаю... – Кинтайр не стал сидеть на диване, перебрался на стул. – Я думаю, не потерял ли весь мир больше, чем даже мы с тобой, Мардж.

– Мне абсолютно все равно, что с миром, – ответила она. Прошла по комнате и щелкнула выключателем. Неожиданный свет заставил обоих сощуриться. – Я бы хотела вернуть Брюса.

– Я тоже. Естественно. – Он взял у нее стакан и сделал большой глоток. Много виски и мало воды. – Но он был необычайно одаренным ученым. Он даже (ведь он мой ученик) изменил мое мнение о некоторых трудах Макиавелли, подчеркнул их идеализм, конечно. Я помню, как он мне цитировал: «...лучшая крепость в человеческой любви» Разве не такие мысли были сродни Брюсу?

– Лучшая крепость. – Она посмотрела на свой стакан. – Это не слишком ему помогло, верно?

Кинтайр ощупью взял вторую сигарету. Слишком много курит, подумал он: завтра язык будет как поджаренная подметка.

– Что тебе известно? – спросил он.

– Немного. – Ее взгляд был полон отчаяния. – Боб, что произошло? Кто это с ним сделал?

– Не могу себе представить, – бесцветным голосом ответил он.

– Но... может, это было случайностью, Боб? Может, его приняли за кого-то другого?

– Может быть.

Я лгу прямо ей в лицо. У человека не вырывают зубы плоскогубцами, не узнав вначале его имя.

– Что было в газетах? – спросил он. – Я не видел.

– Не знаю. Я сидела здесь с того времени, как пришли полицейские. Они спросили меня, могу ли я догадаться... .. Боже!

Она в три глотка осушила свой стакан.

– Не можешь? – спросил он. – Я вообще с трудом представляю человека, который мог бы ненавидеть Брюса.

– Джин Майкелис, – сказала она. – Я думала и думала о нем. О нем и его отце. Я как-то с ними познакомилась.

– Да, я об этом забыл. Но ведь Майкелис сейчас калека, помнишь? Он не мог...

– Брюса вызвали в Сан-Франциско. Кто-то позвонил ему. Не забудь об этом. Я не могу забыть. Я сидела здесь, пока он разговаривал. Он не сказал, в чем дело, просто ушел. Поехал поездом. Он казался возбужденным, счастливым. Сказал, что вернется поздно и... – Марджери дышала тяжело. – Боб! Джин Майкелис сидел и ждал прихода Брюса... и эти его отвратительные большие руки!

Кинтайр встал и подошел к дивану. Сел рядом с ней. Она слепо искала его руку, ее пальцы были холодными.

– Полиция считает, что Брюса убили профессиональные преступники, – сказал он. – Можешь представить себе причину?

– Нет. – Она покачала головой. – Нет. Только Джин Майкелис – он клялся, что в несчастном случае виноват Брюс. Ты не видел тогда Брюса. Не видел, как он это переживал: старый друг набрасывается на него, как собака, обвиняет его и его сестру... – Она посмотрела на него затуманенным взглядом. – Это было, когда мы с Брюсом стали жить вместе. Больше ничего не могло ему помочь. Он сделал мне предложение. Я не хотела снова выходить замуж... за него... вообще выходить. А он со своей глупой головой был всегда слишком джентльменом. Конечно, я просто силой затащила его в постель. Что еще могло помочь ему забыть о Джине Майкелисе, лежащем на шоссе с раздробленными ногами? Джин – единственный человек, ненавидевший Брюса, и эта ненависть едва не уничтожила его. У Брюса не было других врагов... он не был способен на это!

Это не совсем верно, подумал Кинтайр. Джейбез Оуэнс.

Голос ее стал резче, ее ногти врезались в его ладонь. Он встал, поднял ее за запястье и сказал:

– Пойдем. Мы уходим отсюда.

– Что?

Она посмотрела на него мигая, словно только что проснулась.

- Ты устала, и испугана, и одинока, и голодна, и все это плохо. Мы поужинаем и будем говорить о Брюсе и обо все, о чем захочешь, но отсюда мы уйдем.

- Мне завтра на работу, - возразила она.

- К черту! Скажи, что ты больна и должна отдыхать всю неделю. Бери сумочку.

Она, дрожа, пошла за ним. Он вел ее машину медленно, чтобы дать ей и выпивке в ней время; говорил о самом обычном.

Когда он остановился у одного из лучших ресторанов Окленда, она чуть задержалась.

- Ты не можешь позволить себе это, Боб, - сказала она.

- Если ты еще раз упомянешь деньги, я вымою тебе рот пятидолларовыми банкнотами, - резко ответил он. - Грязными банкнотами.

Она улыбнулась.

- Знаешь, - сказала она, - в конечном счете ты не так уж не похож на Брюса. Он тоже мог заставлять других поступать так, как он хочет. Когда однажды я похвалила его за это, он сказал: «Ну, я не долбаный святой».

- Очень похоже на Брюса, - согласился Кинтайр.

- Он преклонялся перед тобой, - сказала она за коктейлями. - Знаешь, как сильно? Ты был всем, кем он мечтал стать: путешественником, спортсменом, ученым. Он даже думал служить в военно-морском флоте, потому что ты это делал. И еще ты обращался с ним, как с равным. Ты сделал больше всех, чтобы он был счастлив.

- Я бы сказал, что это сделала ты, - смущенно ответил он.

– Знаешь, ты подталкивал нашу связь. – Он видел, что она немного опьянела, но никакого вреда в этом нет: в более благоприятных обстоятельствах он назвал бы это счастливой выпивкой. – Помнишь, как мы с ним впервые встретились? В прошлом году после возвращения из Европы ты с ним пошел выпить. И столкнулся со мной в заведении, где подают глинтвейн; я ела пирожки и выглядела не слишком эффектно, но решила, что с вами можно будет хорошо провести время... черт возьми, Боб, я надеялась, что ты приревнуешь меня, поэтому устроила Брюсу большое представление. А ты обрадовался!

– Я подумал, что ему нужна девушка, – сказал он. – В мире не только книги и пиво.

– Ты потворствовал, – засмеялась она. – И, конечно, злорадствовал, когда узнал, что мы живем во грехе.

Он пожал плечами.

– Если ты называешь это грехом. На самом деле Брюс был очень домашним человеком. Я надеялся, что ты выйдешь за него.

– Конечно, – ответила она. – Я ведь тоже очень домашний человек, правда?... Боб, я знаю, ты не любишь танцевать и ужасно танцуешь, но, может, попробуем снова перед ужином?

* * *

Потом, когда ужин завершали бренди и кофе, она сказала:

– Я все еще не уверена, любила ли я Брюса. Он мне всегда нравился. Думаю, я начинала его любить.

– Думаю, трудно было этого не сделать при таких обстоятельствах.

– Он был первым моим знакомым мужчиной, который, – она принялась загибать пальцы, – а) был интересен, а все солидные граждане Огайо казались неинтересными, по крайней мере мне; б) надежным, чего нельзя сказать обо всех этих представителях богемы ...

- Прошу тебя. Называй меня как угодно, только не относи к богеме Беркли.

- Ты не в счет. В классификации ты один представляешь раздел. «Надежный» – неподходящее слово. Что я хотела сказать? Верный, постоянный, любящий. Думаю, это то, что нужно. Любящий – не себя, как большинство этих начинающих. Ты тоже что-то любишь, Боб, но я так и не могла понять, что именно. Разве что эту твою яхту? Брюс любил меня. Любил весь мир, но включая меня.

- Его можно было назвать нежным, – согласился Кинтайр. – В то же время он был мужчиной. За те годы, что мы знакомы, мы несколько раз отправлялись в трудные походы; потом, когда я заинтересовал его дзюдо, у него получалось очень хорошо. Во время этих развлечений ему не раз доставалось. Но он никогда не показывал, что ему больно.

- Наверно, ты считаешь это добродетелью, – сказала она.

* * *

Они остановились в холмах, города Восточного залива под ними как звездная галактика, а Сан-Франциско – целая вселенная в темноте. Кинтайр, смутно встревоженный, подумал, почему он сюда приехал.

- Что ты собираешься делать? – спросила она его.

- Я? Следующие несколько дней, ты имеешь в виду? О, заканчивать незаконченное в университете. Позвонить семье, очень давно никого из родственников не видел. А ты?

- Продолжу жить. Что еще остается?

- Не знаю, – беспомощно ответил он.

Она повернулась к нему и вцепилась пальцами в его пальто.

– Боб, не отвози меня домой, – прошептала она. – Не сегодня. Не оставляй меня одну.

– Что? Но...

– Знаю, знаю. Ты боишься, что я затаю тебя, тщеславный бабуин. Ради бога, позволь мне сегодня переночевать у тебя. Я не притронусь к волоску на твоей ханжеской голове, но не оставляй меня одну!

И впервые с того момента, как он к ней пришел, она заплакала.

* * *

Его разбудил телефон. Он повернулся, еще не придя в себя. Рядом спала женщина в его пижаме. Где он ее подобрал? Минутку. Марджери!

Она спала как ребенок, свернувшись клубком. Бледный утренний свет коснулся следов высохших слез у нее на щеке. Кинтайр помнил, как она цеплялась за него. Больше ничего не произошло, она могла быть его испуганной, детской.... Нет! Он изгнал эту мысль еще до того, как она сформировалась. Скажем только, что в эту ночь она была его другом и никем больше.

Он пошел на кухню, что ответить на звонок, не разбудив ее.

– Алло, – сказал он.

– Доктор Кинтайр? Говорит Моффет.

– О... да, из полиции. В чем дело?

– Не знаете ли, что стало с мисс Марджери Таун? Ее нет дома.

В голосе отчетливо звучало это-не-мое-дело-но-мне-нужна-помощь. Увидел ее машину у его дома?

– Если это срочно, я могу ее найти, – осторожно сказал Кинтайр, потому что теперь его очередь это-не-дело-Моффата. – А в чем дело?

– Кража со взломом.

– Что?

– Сосед ночью слышал шум в ее квартире. Несколько часов пытался до нее дозвониться, наконец позвонил нам. Наш человек поднялся по пожарной лестнице и прошел через разбитое окно. Таким путем прошел вор. В квартире все перевернуто.

– Не может быть!

– Может, сэр. Украшения и ценные вещи лежат на видных местах. Они как будто не тронуты. Вероятно, вор искал что-то еще. Не знаете ли, что это могло быть?

3

Кинтайр вернулся домой около полудня. Джеральд Клейтон по телефону пригласил его на ланч. Кинтайр с готовностью согласился. У него есть свою гордость, но все же не настолько, чтобы не позволить миллионеру заплатить за хорошую еду.

Отель «Фэйрхилл» расположен в шикарном районе у основания холмов, коричневой стеной ограждающих Восточный залив. Кинтайр припарковал свою подержанную машину среди огромных «кадиллаков» и «плимутов» и прошел в вестибюль.

Клейтон встал с кресла.

– Здравствуйте, Боб. – Пожал руку и пошел к лифту. – Я решил, что лучше поесть наверху. Но если хотите до ланча выпить...

– Нет, спасибо. Может, бутылку пива за едой. А в чем причина всего этого?

– Нам нужно поговорить. Не очень срочно, но в следующие дни я буду занят в Городе. – Клейтон взял Кинтайра за руку. – И мне не хотелось есть одному.

Ему пятьдесят, у него все еще широкая грудь и прямая спина, а сшитый на заказ костюм очень старательно скрывает начинающий формироваться животик. Поседевшие рыжеватые волосы, зачесанные назад, покрывают узкую голову; нос и подбородок выступают на сильном, мускулистом лице, которое когда-то должно было быть красивым. Глубоко посаженные глаза голубые, никаких очков. Он нравился Кинтайру, иногда Кинтайр его жалел и часто старался представить себе, о чем думает этот человек.

– Я слышал о молодом Ломбарди, – сказал Клейтон в лифте. – Ужасно.

– Полиция и у вас побывала?

Кинтайр заговорил резко: ему не нужны эмоциональные сцены.

– Было одно интервью. Их не интересовало мое алиби. Какое разочарование! Алиби у меня отличное. Свидетели каждого часа бодрствования. Я приехал в Беркли примерно в полдень в субботу, у меня было совещание с менеджером местного автомобильного агентства, потом я был в театре, представление кончилось поздно. В воскресенье церковь, потом я играл в гольф, вечером мы выпивали, а в понедельник я уехал в Город и весь день провел в своем офисе.

Лифт остановился. Они вышли и прошли по длинному коридору. Немного удивленный и раздраженный, Кинтайр сказал:

– Вы слишком много оправдываетесь.

Клейтон открыл дверь.

– Простите, – ответил он. – Я пытался улучшить себе настроение, а получается, что я как будто стараюсь быть забавным. Брюс был хорошим парнем.

Он вызвал обслуживание в номерах. Клейтон разглядывал номер. Основные интересы Клейтона связаны с Сан-Франциско. Последние несколько месяцев он снимал этот номер, организуя местное отделение своей фирмы. Но Восточный залив сам по себе обладает значительным рынком, и это вполне оправдывает частые приезды Клейтона.

Хотя он живет здесь с четверга, в номере почти ничего не говорит об этом. Его помещение в Сан-Франциско такое же безличное. Кинтайр сомневался, чтобы в пентхаусе в Нью-Йорке и в роскошной квартире Клейтона в Риме было больше души. Четыре снимка, которые, очевидно, переезжали вместе с Клейтоном: светловолосая женщина с какой-то размытой красотой – его первая жена, два мальчика и девочка – дети, которых она родила ему. А в остальном можно было увидеть только бизнес-почту и деловые документы.

О, да, Клейтон курит дорогие сигары и может быть своим в кругах общества, где говорят об опере или последних высказываниях Сартра. Но никаких книг, только свежие номера журналов; нет шахматной доски, колоды карт или полуразгаданного кроссворда; никакой частной корреспонденции; что ж, если человек хочет быть только кассовым аппаратом, это его право.

Но Клейтон и не таков, подумал Кинтайр. Что-то от смелого молодого продавца (где же он начинал? В Индианаполисе? В каком-то таком месте), от бригадира строителей в самые трудные дни, от мелкого менеджера средневосточного торгового дома – то, что Марджери, с ее умением приклеивать ярлыки, называла «Бэббит»[5 - Имя героя романа Синклера Льюиса, ставшее нарицательным для обозначения делового человека, следующего законам своего общества. – Прим. пер.], еще оставалось в этом трансокеанском предпринимателе. Да. Но могло развиваться кое-что иное. Кинтайр так и не мог понять, что именно. Именно по этой причине он принимал приглашения Клейтона.

– Отлично. Ланч сейчас будет. Садитесь, Боб.

Кинтайр сел у окна и достал сигарету. Клейтон предпочел сигару.

– У полиции есть след в убийстве Брюса? – спросил он.

– Откуда мне знать?

– Вы были его лучшим другом. – Клейтон посмотрел Кинтайру в глаза и не отводил взгляд. – Мальчика убили не для забавы. Каким-то образом он сам на это напросился. Если бы мы знали, что он делал, скажем, в последнюю неделю жизни...

– Хм. Вы правы. Он часто виделся с вами, верно?

– Да. Это главная причина моего сегодняшнего приглашения, Боб. Может быть, вдвоем мы сможем восстановить его передвижения. – Клейтон усмехнулся. – Конечно, я не думаю, что мы раскроем преступление или еще какая-нибудь подобная чепуха, но организованная информация может помочь полиции.

– Что ж... – Память Кинтайра ушла в темноту прошлого. – Позвольте подумать... Мы с ним были очень заняты в последнюю неделю из-за конца семестра и начала экзаменов. После этого на факультете особой организации нет. У вас может быть два экзамена в один день, а потом ни одного в течение трех дней. Так что в эту неделю у Брюса было немало свободного времени. Да, он упоминал, что неделю назад, в прошлое воскресенье, переехал через залив, чтобы встретиться с вами.

– Да. – Клейтон заглянул в свой блокнот. – Он приходил ко мне домой и спросил, не дам ли я работу его старшему брату.

– И что?

– Я знал его брата. Встречал когда-то. Я сказал нет. Брюс рассердился: я не согласился даже поговорить с этим Гвидо.

Кинтайр улыбнулся.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Мало кто знал эту его сторону. Он редко терял выдержку, но когда это происходило, было ужасно. Вы ведь не уступили ему?

– Это было нелегко, – сказал Клейтон. – На самом деле мы не в первый раз говорили о его брате. Был еще разговор, несколько месяцев назад, но я не помню подробности.

– Мне кажется, я помню. Кстати, это происходило в моем офисе; мы тогда с ним говорили о «Книге ведьм». Он сказал, что у него есть брат, который говорит по-итальянски. Вы сказали, что сомневаетесь, чтобы Гвидо был способен на ответственную работу. Да, вы тогда презрительно сказали, что сами начинали с нуля и каждый может сделать то же самое.

– В моем случае меньше чем с нуля, – сказал Клейтон. Рот его дернулся, хотя и еле заметно.

– Это вызвало раздражение Брюса, – сказал Кинтайр. – Но он быстро с собой справился. Он иногда бывал слишком разумен для собственного блага.

– Звучит противоречиво. Думаю, разумный человек никогда не должен выходить из себя.

– Не могу с вами согласиться. Бывают такие неразумные случаи, что из-за них нельзя не выйти из себя. Зверства, включая некоторые правительства, которые сами по себе являются зверством. Или, если вернуться к Брюсу, был один инцидент на мысе Перро несколько месяцев назад.

– Что там было?

– О, ничего особенно важного. Мыс Перро примерно в шестидесяти милях к югу по прибрежному шоссе. Место необитаемое, хотя есть на любой хорошей карте. Всего лишь мыс, с пляжем внизу, частная собственность, огражденная, но я знаком с владельцем, и он разрешил пользоваться. Изолированное место, такое примитивное, какое можно найти только в горах, в Высокой Сьерре. Мы с Брюсом взяли с собой спальные мешки и отправились туда на уикэнд. Хотели заняться серфингом. Там крутой спуск к месту, где в прилив собирается много рыбы. И мы увидели, что кто-то здесь взрывал динамит. Это не только погубило рыбу, но и нарушило скальные формации. Брюс проследил за следами шин наверху, определил, что эти взрывники уехали на юг, и настаивал на преследовании. Он готов был отправиться один. Но мы смогли только известить власти, что испортило нам воскресенье. Он никак не хотел отступать.

Кинтайр вздохнул.

– Думаю, что точно по такой же причине он погиб.

– Вернемся к нашему расписанию, – предложил Клейтон. – Брюс ворвался ко мне вечером в воскресенье, но согласился прийти на следующий день. Я сказал, что тем временем подумаю и что он может привести ко мне Гвидо.

– Что произошло?

– Они пришли вместе. Я сразу понял, что Гвидо безнадежен. Забавный парень и все такое, но лентяй всегда остается лентяем. Однако я разговаривал вежливо. Может, я когда-нибудь открою ночной клуб, и Гвидо сможет в нем петь. Все было нормально. – Клейтон затянулся сигарой. – Я не видел Брюса с тех пор до маленького приема здесь в четверг вечером. Можете заполнить промежуток?

– Ммм... да, я разобрал все это в сознании. В понедельник, о котором вы говорили, я познакомил Джейбеа Оуэнса с Брюсом. Мы говорили примерно с час в моем офисе. В остальном, думаю, у него был самый обычный день, пока он не пошел к вам.

– Во вторник?

– Снова обычный день, только, как договорились, приходил Оуэнс и дал ему письма Борджиа. В этот день Брюс взял их с собой домой, чтобы посмотреть.

– О, да, на приеме они спорили об этих письмах. Кстати, в чем там дело? Я не совсем понял. Я сам большую часть времени разговаривал с профессором Эшвином.

– Знаете, Оуэнс – писатель. Он пишет популярные книги по истории.

– Я слышал это имя, но и только.

Кинтайр сделал глубокий вдох опытного лектора.

– В тридцатые годы книги Оуэнса были бестселлерами, – сказал он. – Но с последней войны они стали продаваться гораздо хуже. Несколько лет назад он выпустил книгу «Великолепное чудовище: Жизнь и время Цезаре Борджиа». В научном отношении скромная работа – мягко выражаясь, но у него яркий стиль и он щедро примешивает к рассказу секс и садизм. На месте все старые

клеветнические рассказы о Лукреции и тому подобное. Но даже в твердом переплете книга стала бестселлером, и потребность в дешевом издании едва успевали удовлетворять. Сейчас Голливуд хочет на основе этой книги снять очередной супербоевик.

– Ну и что? – Клейтону, казалось, стало скучно. – Хорошо для него, но какое это имеет отношение к Брюсу?

– Дайте мне немного времени. Перед написанием этой книги Оуэнс провел много времени в Италии, предположительно проводя исследования. Он приехал с письмами, которые, как он утверждает, обнаружил в архиве одного знатного семейства – письма самого Цезаре и к нему; и эти письма как будто связывают его с культом сатанистов и со всевозможными оргиями и безобразиями.

Эта переписка вызвала в научной среде оживленные споры. Если это подделка, то очень искусная, и знатной семье, о которой идет речь, хорошо заплатили и подготовили ее. Сам я считаю, что это именно так. Но Оуэнс не только использовал эту возможность, не только представил себя ученым детективом, нашедшим новые документы Босуэлла[6 - Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, автор двухтомной книги «Жизнь Сэмюэля Джонсона», которая в Великобритании считается образцовой биографической книгой. В 20 веке были обнаружены новые сенсационные документы Босуэлла. – Прим. пер.], он сделал эти письма основой своей книги.

– А, да. И теперь моя «Книга ведьм»...

– Опровергает это. «Книга ведьм» бесспорно подлинная, и некоторые ее утверждения имеют решающее значение. *La vecchia religione*[7 - Старая религия, итал. – магия, колдовство, нацеленные на причинение зла. – Прим. пер.] возникла в Романье и даже еще раньше, в Лигурии, задолго до того, как Цезаре Борджиа стал отблеском в апостольском взгляде его отца. Поэтому письма Оуэнса – это подделка. Либо Оуэнс сам их сочинил, либо его провели.

Установив это какое-то время назад, Брюс написал ему письмо. Таков Брюс, конечно. Давал возможность бедняге прилично отступить прежде чем публиковать доказательства, которые его уничтожат. Оуэнс ответил достаточно вежливо, попросив о профессиональном обсуждении. И явился в прошлое воскресенье на пути из Нью-Йорка в Голливуд, и с тех пор он здесь.

– Не думал, что он заставит продюсеров так долго ждать, – сказал Клейтон.

– У него нет контракта, только приглашение приехать и обсудить возможности. Скандал типа Пилтдаунского[8 - Пилтдаунский человек – одна из самых известных мистификаций 20 века. Кости, найденные в Пилтдауне (Англия) в 1913 году, были выданы за останки древнего человека – «недостающего звена» между человеком и обезьяной. Подделка была разоблачена сорок лет спустя, примерно в то время, когда Андерсон писал свой роман. – Прим. пер.] может заставить студию отказаться от замысла. Если студия хочет рассказать о жизни Борджиа, это вопрос общественный. И она не должна ничего платить Оуэнсу, если не использует материалы ведьмовского культа. В противном случае студии придется заплатить ему круглую сумму и сделать его научным консультантом.

– Хм.

Взгляд Клейтона стал задумчивым.

– Я все отвлекаюсь, – сказал Кинтайр. – Да и горло пересохло. Пиво сейчас не помешало бы.

– Через минуту, Боб. Давайте вначале продолжим. Вы говорите, Брюс взял эти письма домой во вторник вечером.

– Да. Я знаю, что в среду он снова встретился с Оуэнсом, вернул ему письма и сказал, что не видит причин менять свое мнение. Должно быть, они тогда серьезно поссорились. Я в тот вечер был в дождю и, кстати, не видел Брюса до четверга. Потом, конечно, мы с ним и еще несколькими коллегами были у вас на этом мальчишнике. Оуэнс тоже там был.

– Я собрал ученых, – улыбнулся Клейтон.

Кинтайр подумал, насколько это может быть верно. В верхнем слое европейского бизнеса, где Клейтон проводит половину времени, человека уважают не только за его деньги; его будут ценить гораздо выше, если он проявит какие-нибудь заметные интеллектуальные достижения. Клейтон вряд ли стремится к такому уважению, но должен хорошо знать выгоду подобных оценок.

Каждый богатый американский болван может купить картину. У Клейтона больше воображения: он собирал инкунабулы. А также приглашал специалистов, угощал их выпивкой и сэндвичами, сталкивал друг с другом и сидел, усваивая особенности их речи.

И что в этом плохого? думал Кинтайр. Во времена Возрождения все знатные люди покровительствовали ученым и художникам по тем же самым причинам. И поэтому у Возрождения были Леонардо, Рафаэль, Микеланджело... Мы отправляем своих творческих людей на рынок, чтобы они торговали собой в обществе. И что получаем в результате? Рок-н-ролл!

Он заставил себя перестать отвлекаться. Клейтон говорил:

– ... химические тесты. Оуэнс ответил, что не позволит уничтожить бесценные реликты. Мне это показалось фальшивым.

– Да, тогда спор был ожесточенный, – восхищенно покачал головой Кинтайр.

– Сейчас это неважно. У вас есть сведения о дальнейших передвижениях Брюса?

– В пятницу мы с ним напряженно работали. Наверно, он и в субботу работал. В пятницу днем я видел его живым в последний раз. Мы только поздоровались при встрече. Марджери Таун говорит, что в тот вечер он был дома, в субботу днем тоже. А может, в университете.

– И это все, что мы можем узнать? – Клейтон поморщился. – Не очень много. Может, мисс Таун сможет сказать...

– Еще одно, – сказал Кинтайр. – Возможно, это не имеет отношения. Но сегодня ночью ее квартиру ограбили.

Сигара выпала изо рта Клейтона. Он неловко наклонился, поднимая ее. Но он заметил, что Кинтайр наблюдает за ним; его движения стали ровней, а, когда он распрямился и сел, контролировал выражение морщинистого лица.

– Удивлены? – спросил Кинтайр.

– Да. Конечно. Что случилось? Что взяли?

– Вот это самое странное. Ничего, насколько она смогла понять. Кто-то вломился к ней и все перевернул, но не взял ни серебряной посуды, ни драгоценностей – ничего.

– Хм. – Клейтон посмотрел на свои руки, лежавшие на коленях, потом спросил: – А документы?

– Мы думали об этом. Перевернуты все ящики письменного стола, но как будто ничего не пропало.

– Что она знала о его документах? – Этот вопрос Клейтон задал резко, как полицейский. – Не тяните, ханжа! Я знаю, что она была его любовницей.

– Мне не нравится это слово в подобных обстоятельствах, – мягко сказал Кинтайр. – Однако ... она не могла видеть все письма и заметки Брюса. Он держал их в нескольких папках. Но их как будто даже не открывали.

– Вы уверены? Проверяли это?

– Нет. А нужно было?

– Вероятно, нет. – Клейтон потер подбородок. – Нет, я бы не стал беспокоиться. Очевидно, грабитель искал что-то такое, что, по его мнению, должно быть в квартире, но его не было. Что-то такое, что могло лежать в ящике стола, но слишком велико, чтобы поместиться в папку. Что-то такое.

– Что именно? – спросил Кинтайр.

Он догадывался, каким будет ответ.

– «Книга ведьм» – толстый том.

Кинтайр кивнул. Он собирался повторить то, что сказала ему Марджери, когда они остались среди беспорядка после ухода полицейских.

* * *

Она дрожащими руками налила себе выпивки. Солнечный луч сделал медными ее еще встрепанные волосы. Она сказала:

– Ублюдок. Трусливый ублюдок. Почему я не сказала копам?

– О чем?

– Об Оуэнсе, конечно. Кто, по-твоему, мог это сделать? Кому нужно что-нибудь у меня дома, кроме этой старой книги, которую изучал Брюс? Эта книга могла торпедировать и деньги за кино, и репутацию Оуэнса. Это он приходил сюда, чтобы найти книгу и сжечь ее!

Она залпом выпила, налила еще и посмотрела на Кинтайра.

– Ну? – резко спросила она.

– Что ж, это серьезное обвинение, – ответил он.

– Серьезная моя левая ягодица! Ты знаешь, что эта змея пыталась сделать? Он попробовал подкупить Брюса! Брюс рассказал мне об этом в пятницу после того мальчишника. Оуэнс пришел к нему в офис и говорил об этом... но он говорил осторожно, эвфемизмами. Однако он предложил Брюсу пять тысяч долларов, если тот умолчит о своих находках о ведьмах в Италии. Пять тысяч долларов... Боже, да кино принесло бы ему четверть миллиона!

– Значит, тебя оскорбил размер взятки?

Попытка пошутить не прошла. Марджери яростно сказала:

– Брюс был вне себя. Он еще кипел, придя домой. Он сказал Оуэнсу, что напишет статью о своих находках, как только вы вернетесь из своего похода... он расскажет газетам, чтобы все знали правду ... Боб!

Она закричала.

– В чем дело? – воскликнул он, в тревоге поворачиваясь к ней.

– Боб, ты думаешь... О, нет, Боб!

* * *

– В чем дело? – спросил Клейтон.

Кинтайр встряхнулся.

– Ничего. Книга до сих пор у нас естественно, – спокойно сказал он. – Брюс держал ее в своем офисе. Я сегодня заглянул туда и запер книгу в сейфе.

– Оуэнс...

– Послушайте, – сердито сказал Кинтайр, – я уже прошел через все это с мисс Таун. Не хочу быть обвиненным в клевете. Полиция вполне компетентна, и все основные факты у нее есть. Если только новые данные не заставят меня передумать, я не собираюсь отправляться с рассказом о мелких академических интригах, причем без всяких доказательств.

Однако, про себя думал он, я не в состоянии много платить, но Триг сейчас не занят. И ему может понравиться расследование такого убийства.

В дверь постучали, и коридорный вкатил на тележке ланч.

4

Только к вечеру Кинтайр смог проехать по мосту в Сан-Франциско. Он несколько часов разбирал неправленные статьи Брюса, поговорил по телефону с Ямамурай, который обещал по возможности осмотреться, и позвонил Марджеру, чтобы узнать, все ли у нее в порядке.

– Приезжай ко мне, поедим вместе, Боб, – сказала она. Он почувствовал ее одиночество. Но – дьявольщина, она его связывает.

– Боюсь, что не смогу, – ответил он. – Много дел. Но относись ко всему полегче. Сходи в гости, выпей чашку эспрессо, но не сиди дома и не думай о своих проблемах. Скоро увидимся.

Повесив трубку, он немного налил себе и выпил. Потом надел свой самый темный костюм и вывел машину. Лично он не стал бы оповещать о своей потере одеждой, но родители Брюса из Старого Света.

На шоссе и на двойном пролете большого моста (должно быть, Брюса мертвым увезли в противоположном направлении; затолкали в угол, чтобы сборщик платы за проезд принял его за спящего; сейчас, конечно, полиция опрашивает всех, кто работал в ночную смену) Кинтайр вспоминал, что ему известно о семье Ломбарди. Он знает только Брюса, хотя несколько раз обедал с его семьей. Родители очень уважаемые; они гордились тем, что друг их сына доктор философии. Его мать готовит очень вкусную пасту...

Помнить особенно нечего. Анжело Ломбарди был моряком в Генуе. Гвидо родился в трудные времена. Анжело не часто видел молодую жену. (Может быть, то, что Мария провела годы в грязной убогой квартире, где ей некого было любить, кроме маленького мальчика, объясняет, почему Гвидо вырос таким.) В 1930 году семья в качестве иммигрантов приехала в Сан-Франциско. Здесь Анжело работал в рыбацком флоте, здесь родились Брюс и его сестра, здесь Анжело накопил достаточно денег, чтобы купить свою лодку, но потратил все после аварии – да, он столкнулся с лодкой Питера Майкелеса. Понимая, что он постарел, Анжело использовал деньги, полученные за страховку, чтобы открыть ресторан. Ресторан не прогорел, но и не процветал; он давал деньги на жизнь и немного сверх этого.

Но Анжело Ломбарди оставался человеком, не теряющим надежды.

Кинтайр повернул, проехал по Коламбус авеню до Норт Бич. Гм, посмотрим... небольшая улица у края чайнатауна...хм...

Небо становилось пурпурным, когда он остановился перед нужным домом: кафе «Генуя» располагалось в двухэтажном доме с нишами и башенками,

построенном сразу после пожара 1906 года. По бокам китайский галантерейный магазин, полный запахов кожи, и португальская баптистская миссия. На двери написано «Закрито». Конечно, сегодня здесь не хотят обсуждать достоинства пиццы.

В окнах второго этажа желтый свет. Кинтайр нашел лестницу, ведущую туда, и позвонил.

Загорелся уличный фонарь, мимо прошла машина, с противоположной стороны улицы на него смотрел грязный мальчишка. Кинтайр почувствовал себя очень одиноким.

Он услышал шаги на лестнице, легкие женские шаги. Ожидая увидеть Марию Ломбарди, он снял шляпу и, когда дверь открылась, поклонился в европейском стиле. Застыл на половине этого жеста и пораженно смотрел.

Морна, подумал он. Он на палубе шхуны, идущей по ветру, а она стоит у поручня, одной рукой держится за снасти, а другой заслоняет глаза, глядя на сверкающие воды океана. Ветер отбросил ее светлые волосы ему в лицо, они пахли летом.

– Да?

Кинтайр встряхнулся, как собака, выходящая из воды.

– Простите, – запинаясь сказал он. – Простите. Вы меня поразили. Вы похожи на кого-то...

Он так глубоко вдохнул холодный воздух, что почувствовал, как растягиваются легкие. Мышцы расслабились одна за другой.

– Мисс Ломбарди, не так ли? – начал он снова. – Я не видел вас несколько лет, и тогда у вас была другая прическа. Я Роберт Кинтайр.

– О, да, я хорошо вас помню, – сказала она, уголки ее рта чуть поднялись в мягком напряжении. – Профессор Брюса. Он часто говорил о вас. Вы очень добры, что пришли.

Она посторонилась, пропуская его вперед. В узком проходе он случайно коснулся ее рукой. На полпути вверх понял, что у него сжаты кулаки.

Что это за фарс? гневно спросил он себя самого. Только прямые светлые волосы, брошенные челкой на лоб и спускающиеся на плечи. Теперь в ярком электрическом свете он видел, что даже оттенок у волос другой, эти волосы темней, чем выбеленная непогодой грива Морны. И Коринна Ломбарди – зрелая женщина; он вспомнил, что в прошлом месяце Брюс ездил в город на прием по случаю ее двадцать второго дня рождения; да, взрослая. А Морне всегда будет тринадцать.

Коринне было девятнадцать лет, когда он видел ее в последний раз; она жила здесь и работала в кафе. Ломбарди давали небольшой прощальный ужин в его честь перед его отъездом на год в Италию. Они хотели, чтобы он поискал брата Анжело Луиджи, который при прежнем правительстве служил в тайной службе. Кинтайр несколько раз навещал Луиджи. Это был приятный человек со склонностями ученого; он очень интересовался своим умным племянником Брюсом, с которым переписывался.

Во всяком случае у Кинтайра было чем заняться, кроме того как обращать внимание на незаметную скромную девушку. Когда он вернулся, Брюс рассказал, что сестра ушла от родителей после грандиозной ссоры. Вскоре они помирились – это была только ее декларация независимости, но с тех пор она жила самостоятельно, и у нее была работа.

Эти воспоминания успокоили его. И тем временем он продолжал думать о Коринне. И решил, что у нее есть черты обычной хорошенькой девушки. Рослая, с хорошей фигурой, только плечи чуть широковаты и грудь маловата по нормам нынешнего десятилетия. Лицо широкое, с высокими скулами, квадратным подбородком и сильным прямым носом; лицо много времени провело на солнце. Глаза зеленовато-серые под густыми темными бровями, рот широкий и полный, голос низкий. На ней, как и ожидается, черное платье, но с вызывающей бронзовой застежкой в форме ласки.

Тут Кинтайр оказался на лестничной площадке, и Анжело Ломбарди, коренастый, лысеющий, с тяжелым лицом, обхватил его руку своей огромной лапой моряка.

– Заходите, сэр, пожалуйста, и выпейте с нами.

Мария Ломбарди встала, встречая доктора философии. Ее светло-каштановые волосы и чистый профиль говорили, откуда у ее детей такие черты лица; Кинтайр полагал, что их ум тоже от нее.

– Здравствуйте, профессор Кин... тиир. Спасибо за то, что пришли.

Он неловко сел. Гостиная, забитая мебелью, такая, как у миллионов иммигрантов, сумевших с пустыми карманами подняться до среднего класса. Но такие семьи будут двадцать лет питаться бобами, чтобы накопить денег для обучения одного ребенка в колледже. Брюс был таким ребенком.

– Я пришел выразить свое сочувствие, – сказал Кинтайр. Он видел, что Коринна холодным взглядом зеленых глаз оценивающе смотрит на него, но ничего менее банального не смог придумать. – Я могу чем-нибудь помочь? Чем угодно?

– Вы очень добры, – сказал старший Ломбарди. Он налил порцию своего, очевидно, лучшего вина. – Все к нам очень добры.

– Знаете, какой была его квартира последние полгода, профессор? – спросила Мария. – Он никогда не приглашал нас к себе.

Могу себе представить, сухо подумал Кинтайр.

– Ничего необычного, – сказал он. – Как только смогу, привезу вам его личные вещи.

– Профессор, – сказал Ломбарди. Он очень медленно наклонился вперед. В его пальцах блеснули очки. – Вы хорошо знали моего сына. Как по-вашему, что с ним случилось?

– Я знаю только то, что сказали мне в полиции, – ответил Кинтайр.

Мария перекрестилась., и он не стал следить за ее движущимися губами: этот разговор его не касался.

– Моего сына убили, – сказал непонимающим голосом Ломбарди. – Почему его убили?

– Не знаю, – ответил Кинтайр. – Полиция установит.

Коринна встала и остановилась перед мужчинами. Она сделала один длинный шаг, особенно длинный из-за ее гнева. Оперлась руками о бедра и холодно сказала:

– Доктор Кинтайр, вы не наивны. Вы должны знать, что убийство – одно из самых безопасных преступлений. Какова вероятность, что полиция его раскроет, если полицейские говорят, что у них нет даже мотива?

Кинтайр не смог не ощетиниться немного. Она устала, у нее горе, но он ничего не сделал, чтобы заслужить такой тон. И он сказал:

– Если вы считаете, что-то знаете, мисс Ломбарди, вам следует обратиться к властям, а не ко мне.

– Я обратилась, – хрипло ответила она. – Они были очень вежливы с женщиной-истеричкой. Сказали, что обязательно проверят. А когда увидят, что у него есть алиби – а у него оно будет, – больше ничего делать не станут.

Мария встала.

– Коринна! – воскликнула она. – *Basta, figliolassia!*[9 - Хватит, доченька, итал. – Прим. пер.]

Девушка высвободилась из рук матери.

– О, да, – сказала она. – Так было и в полиции. Со всеми. Не трогайте бедного калеку. Разве он недостаточно пострадал? Неужели не видите, что именно на это он и рассчитывает? Поэтому он и убил Брюса!

Открылась внутренняя дверь, и в комнату вошел мужчина. Лет тридцати, с сильным телом, которое чуть покрылось жиром. Приятная, хоть и мрачноватая внешность, темные вьющиеся волосы, беспокойные карие глаза, курносый нос и

чуть обвислый подбородок. Черные обтягивающие брюки и белая рубашка, раскрытая на груди; в одной руке гитара в чехле.

– О, – сказал он. – Мне показалось, что кто-то пришел. Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, Гвидо, – ответил Кинтайр, не вставая. Лично у него нет ничего против старшего брата Брюса, который вполне прилично себя вел во время их нескольких встреч. Однако... «Тот, кто не избирает дорогу добра, избирает дорогу зла», говорится в «Рассуждениях» Макиавелли, и Гвидо висел грузом не на одной шее.

– Не будь занудой, малышка, – обратился он к сестре. – Я слышу твое оперное выступление за милю против ветра.

Коринна, дрожа, повернулась к нему и сказала:

– Мог бы дать ему остыть, прежде чем снова петь в клубе свои грязные песни.

– Моя девочка, ты говоришь, как настоящий бакалавр; Брюс подтвердил бы это, если бы мог. – Гвидо улыбнулся, одной рукой достал сигарету и сунул ее в рот. – Весь уикэнд меня не было в городе, именно тогда, когда коты сходят с ума. И если я сегодня не появлюсь, меня просто сожгут, и что хорошего это даст Брюсу?

Он все так же одной рукой достал коробок спичек, открыл, взял одну и искусно зажег.

Коринна перевела взгляд с одного лица на другое, и в нем появилось трагическое выражение.

– Всем все равно, – прошептала она.

Она села. Ломбарди с несчастным видом свел пальцы; Мария сжалась в углу кресла, Гвидо прислонился к косяку двери и выдул облако дыма.

Кинтайр как-то неопределенно подумал, что ему нужно утешить девушку. Он сказал:

– Пожалуйста, мисс Ломбарди. Нам, конечно, не все равно. Но что мы можем сделать? Мы лишь помешаем полиции.

– Знаю, знаю. – Произнося это сквозь стиснутые зубы, она смотрела в пол. – Пусть кто-нибудь другой это сделает. Разве не таков девиз нашей цивилизации? Но когда-нибудь никого другого рядом не окажется, а мы станем слишком вялыми, чтобы помочь себе.

Это было настолько сходно с его мыслями, что он вздрогнул. Но сказал только:

– Вы ведь не можете объявить вендетту.

– Успокойтесь! – Она презрительно посмотрела на него. – Конечно, я не имела это в виду. Но я знаю, кто должен был это сделать, и знаю, что у него есть история, и никто не станет проверять эту историю, потому что он кажется таким жалким и несчастным. А он не таков! Я знаю Джина и Питера Майкелисов. Они знают, чего хотят!

– Хватит! – взревел Ломбарди. – Молчи!

Она не обратила на это внимания. Взгляд ее не отрывался от Кинтайра.

– Ну что? – спросила она спустя мгновение.

Он подумал, действует ли на него ее несчастье или она на самом деле такая гарпия. И очень осторожно сказал:

– Теоретически любой из нас может оказаться виновным. Я мог сделать это потому, что Брюс встречался с девушкой... с которой когда-то встречался я. Или Гвидо – ревность? ссора? У нас только его слово, что он отсутствовал в субботу и воскресенье. Может, стоит попросить полицию проверить каждую минуту его уикэнда?

Человек у двери вспыхнул.

– Еще чего? – медленно сказал он. – Вы собираетесь...

– Ничего подобного, – сразу прервал его Кинтайр. – Я пытаюсь показать, что подозрения отдельных людей не могут быть основанием...

Гвидо глубоко затянулся, погасил сигарету в ужасной сувенирной пепельнице и вышел, не сказав ни слова. Все слышали, как он спустился на лестнице.

– Простите, господин профессор, – сказал Ломбарди.

– Niente affatto, signor.[10 - Ничего, сеньор, итал. – Прим. пер.] – Кинтайр встал. – Вы все устали. – Он улыбнулся Коринне. – Вы высказали некоторые из моих принципов. Мы, пессимисты, должны держаться вместе.

Она даже не повернула к нему голову. Но ее профиль напомнил ему о Нике Самофракийской, о Победе, идущей против ветра.

– Я всегда считала, что принципы должны быть основанием для действий, – мрачно сказала она.

– Коринна, – сказала Мария.

Дочь не обратила на нее внимания.

Кинтайр вышел под извинения хором. Оставшись один на темной улице, он присвистнул. Было совсем не весело.

Но теперь с этим покончено. Можно подождать с неделю, пока все не успокоится, потом отвезти личные вещи Брюса и попрощаться с неискренним обещанием «заглянуть, когда будет время». И на этом все будет кончено.

Но он с бьющимся сердцем подумал, что это приходила к нему Морна.

Негнушмиися пальцами он стал доставать сигарету и уронил пачку на тротуар, прежде чем удалось это сделать. И почувствовал, как ужас пронизал его.

Иногда, подумал он, пытаюсь сохранить хладнокровие, отвлечение может помочь избежать неприятностей. Если бы он мог заняться чем-то вне себя, но все же важным для него, чтобы все его внимание было на это направлено, ужас

мог бы отступить.

Он набрал дым в легкие, выпустил его, бросил сигарету на тротуар и растоптал ее. Потом пошел в галантерейный магазин. Там на стене висел телефон. Кинтайр поискал справочник и нашел имя.

Майкелис Питер С.

5

Он не стал звонить, а прямо поехал вниз. И когда припарковался и вышел, увидел над собой белые очертания башни Койт на Телеграфном холме. В нескольких кварталах отсюда рыбацья гавань, множество туристических аттракционов и несколько аутентичных ресторанов. Но сейчас он стоял на участке трущоб, перед домом, обиталищем крыс. Единственный фонарь в квартале отсюда бросал слабый гнойный свет на поверхность под ногами. Повсюду была ночь. Кинтайр слышал поблизости мерное пыхтение паровоза, толкающего по рельсам грузовые вагоны; мимо прошла тощая кошка. В остальном он был совершенно один.

Он с невольной бодростью пошел к дому, зажег спичку и посмотрел на фамилии на почтовых ящиках, пока не увидел фамилию Майкелис. Номер 8.

Дверь в подъезд открыта. В коридоре с потертыми коврами несколько тусклых электрических лампочек. Кинтайр слышал звуки за дверьми, чувствовал запах еды. Номер восемь наверху. Он поднимался, только сейчас начиная соображать, как выполнит поручение.

Да и поручение ли это?

Брюс никогда не говорил с ним о Джине Майкелисе. Они детьми вместе росли у гавани. Брюс на год моложе, несомненно, тихий книжный мальчик, любимец учителей, но это на нем не отражалось, дети к нему относились хорошо. Однако ему должно было быть одиноко. А Джин был грубый и хулиганистый сын рыбака. И тем не менее между ними возникла горячая мальчишеская дружба. Вероятно,

верховодил в ней Брюс, хотя они не отдавали себе в этом отчета.

Со временем они разошлись. Джин бросил школу в шестнадцать лет, сказал как-то Брюс, после бурной истории, связанной с девушкой; с тех пор он много раз менял работу, был охранником в гавани, поваром, вышибалой, продавцом. В раннем возрасте он научился очень легко лгать. Время от времени он возвращался в район Залива. Со службы во флоте вернулся в прошлом году, когда Кинтайр был еще в Европе. Кинтайр никогда с ним не встречался. Джин отыскал в Беркли Брюса, через него возобновил знакомство с Коринной и переехал в Сан-Франциско.

Номер 8. Через тонкую дверь Кинтайр слышал телевизор. Он посмотрел на часы. Уже больше десяти. Придется действовать по обстоятельствам. Он постучал.

Внутри слышались шаги. Дверь открылась. Кинтайр посмотрел чуть вверх на тяжелое морщинистое лицо с толстым кривым носом и маленькими черными глазами, на седые волосы. У этого человека плечи как грузовик, и живота почти нет. На нем поблекшая рабочая одежда. И его окружал запах дешевого вина.

– Что нужно? – спросил он.

– Мистер Майкелис? Меня зовут Кинтайр. Хочу несколько минут поговорить с вами.

– Мы ничего не покупаем, а если вы от финансовой компании, можете...

Майкелис не закончил свое предложение.

– Ни то, ни другое, – спокойно сказал Кинтайр. – Можете считать меня кем-то вроде посла.

Удивленный, Майкелис шагнул в сторону. Кинтайр вошел в однокомнатную квартиру с завешенным уголком для кухни. Кровать у стены не заправлена. Несколько стульев, стол с полупустым галлоном красного вина, телевизор, табачный дым, много пыли и старые газеты на полу.

Джин Майкелис сидел в старом распадающемся кресле. Молодая черноволосая версия отца, и мог бы показаться красивым, если бы улыбался. На нем фланелевая пижама, которую давно не стирали. Ноги неподвижно торчат перед ним, заканчиваясь обувью, подошвы которой упираются в пол. Рядом два костыля. Он курил, пил вино и смотрел телевизор; и не прекратил, когда вошел Кинтайр.

– Простите, что у нас не прибрано, – сказал Питер Майкелис. Он говорил быстро, растягивая слова, как делают пьяные. – Нам трудно приходится. Жена умерла, а мой сын вынужден жить со мной и ничего не может делать. Когда я прихожу домой после поисков работы – весь день ищу работы, слишком устаю, чтобы прибраться. – Он сделал неопределенный жест в сторону стула. – Садитесь. Выпьете?

– Нет, спасибо. – Кинтайр сел. – Я пришел...

– Я уже был разорен, когда это произошло в прошлом году, – сказал Майкелис. – У меня тогда была своя лодка. Да, была. «Рути М.» Но она затонула, а страховки не хватило на покупку новой, и я опять стал рабочим в порту. А ведь у меня была своя лодка.

Он сел и, неопределенно мигая, посмотрел на гостя.

– Мне жаль это слышать. Но...

– Потом умерла моя жена. Потом вернулся с флота сын и очень пострадал. Обе ноги ампутированы, выше колен. Все деньги ушли на оплату врачей. Мне пришлось оставить работу, чтобы ухаживать за сыном. Он был очень плох. Когда он смог немного заботиться о себе, я пошел на старую работу, но меня не взяли. И с тех пор я ничего не нашел.

– Что ж, – сказал Кинтайр, – есть социальное пособие и реабилитация...

Майкелис неприлично выбранился.

– Вот что для вас сделают, – добавил он. – Мне нашли работу – плести корзины. Плести корзины! Боже! Я был помощником наводчика во флоте. Плести корзины!

– Я сам во флоте, – сказал Кинтайр. – Вернее был. После Перл-Харбора. На эсминце.

– И какое у вас было звание? Младший офицер, конечно.

– Ну...

– Штабной офицер. Боже!

Джин Майкелис снова повернулся к телевизору.

– Простите, – сказал его отец. – Ему нелегко, понимаете. Он был молодой и сильный, каким только надеешься быть. Боже, шесть месяцев назад. И что ему делать весь день?

– Я не обижаюсь, – сказал Кинтайр. – Я бы обиделся только на систему так называемого образования, которая дает так мало, что ее жертвы способны только смотреть на этот обезьяний цирк, когда приходят тяжелые дни. Но сейчас это не имеет непосредственного отношения.

– Зачем вы пришли? – Питер Майкелис поднял голову, голос его стал живей. – Знаете о какой-нибудь работе? – Он снова сел. – Нет. Нет, не знаете.

– Боюсь, что нет, – сказал Кинтайр. – Я пришел... пришел, чтобы помочь вам в другом отношении. Maledetto![11 - Проклятие, итал. – Прим. пер.] Сколько можно говорить, как Норман Винсет Пил?[12 - Норман Винсент Пил (1898–1993) – американский писатель и богослов, создатель «теории позитивного мышления». – Прим. пер.] Но ничего другого не могу придумать.

– Да?

Майкелис распрямился. Даже Джин повернулся.

– Вы, конечно, знаете семью Ломбарди.

– Знаем ли мы их? – резко выговорил Майкелис. – Я бы хотел, чтобы не знали!

– Слышали, что убит их сын Брюс?

– Уххм, – сказал Джин. Он приглушил звук телевизора и с явным удовольствием добавил: – Похоже, все-таки в мире есть справедливость.

– Подождите, – начал Кинтайр.

Джин полностью повернулся лицом к гостю. Глаза его сузились.

– А вы какое к ним имеете отношение? – спросил он.

– Я знал Брюса. И подумал...

– Конечно. И считали его маленьким божьим ангелом с голым задом. Я знаю. Все так считали. Нужно много времени, чтобы пробиться сквозь эти слои святой грязи на нем. Я пробился.

– Вы знаете, что старик сделал со мной? – закричал Питер Майкелис. – Он протаранил меня. Отправил мою лодку в 1945 году на дно. Убил двух человек из моего экипажа. Они утонули. Я сам мог утонуть.

Кинтайр помнил рассказ Брюса. Сильный ветер принес неожиданный густой туман. Такое время от времени случается. Корабли плыли в тумане, столкнулись и затонули. Расследование береговой охраны пришло к выводу, что это деяние бога. Майкелис судился, но проиграл дело в суде. Затем ради своих сыновей Питер и Анжело неохотно заключили мир.

То, что произошло потом, возродило старую ненависть, с процентами за двенадцать прошедших лет.

– Заткнись, – сказал Джин. Кинтайр видел, что он тоже пьян, но способен контролировать все, кроме своих эмоций. – Заткнись, Пит! Это был несчастный случай. Зачем ему было уничтожать собственный бизнес?

– Он за это получил ресторан, – пробормотал Майкелис. – А мы что?

– Послушайте, – сказал Кинтайр не очень искренне. – Я нейтральная сторона. Я не обязан был приходить сюда, и для меня здесь ничего нет. Но будете ли слушать?

– Если вы тоже будете слушать, – сказал Джин. Он налил себе еще вина. – Я знаю, что Ломбарди говорили обо мне. Давайте я вам расскажу о них.

Где-то в глубине сознания Кинтайра прозвучал негромкий предупредительный сигнал. Он ухватился за ручки стула и сжал их. Не было времени разбираться в причинах; он только знал, что, если позволит Джину говорить о Коринне, будут неприятности.

– Не нужно, – холодно сказал он. – Этот аспект меня не интересует. Я пришел сюда, потому что не считаю, что вы убили Брюса Ломбарди, а полиция может подумать, что убили.

Это остановило их. Питер Майкелис поднял голову, его лицо побледнело. Джин поджал губы, и на его лице не было никакого выражения. Он не отрывал взгляда темных глаз от Кинтайра и спокойно спросил:

– Это к чему?

– Кто-то вечером в прошлую субботу вызвал Брюса в Город, – сказал Кинтайр. – Его тело нашли утром в понедельник. Вы хорошо знаете, что, если бы позвонили ему и предложили помириться, он тут же примчался бы. Где вы двое были в этот уикэнд?

– Ну... – Голос Питера Майкелиса дрогнул. – В субботу я весь день был дома, занимался домашней работой. Вечером пошел выпить, утром в воскресенье церковь, да, потом вернулся поспать. Да, в этот вечер я играл в пинокль перед складом...

Он замолчал.

– Значит, никто не заходил? – спросил Кинтайр. – Никто не может подтвердить, что Брюс не лежал здесь связанный и с кляпом во рту?

– Да что!..

– Эй! – Джин Майкелис встал на ноги. Это было единое стремительное движение, Джин поднял себя на руках. Его алюминиевые ноги в поисках опоры широко разъехались. Ему удалось схватить один костыль и опереться на него.

– А вам какое дело? – рявкнул он.

Могу ли я сказать, что сам не знаю? подумал Кинтайр. Могу ли сказать, что я здесь потому, что меня попросила девушка, которую я едва знаю?

Вряд ли.

Он небрежно откинулся на спинку и сказал:

– Я хочу заключить мир между вашими семьями. Считайте, что я делаю это ради Брюса. Я признаю, что он мне нравился. А вы всегда ему нравились, Джин. Если вы по-прежнему будете выражать свою ненависть к Ломбарди, полиция очень заинтересуется, чем вы занимались в уикэнд. Где вы были?

Джин ссутулился.

– Не ваше проклятое дело!

– Значит, вас не было дома?

– Не было. А если хотите узнать больше, покажите свой значок.

Кинтайр вздохнул.

– Ну, хорошо. – Он встал. – Я ухожу. Копы не будут любезны, если вы не захотите сотрудничать с ними.

Он посмотрел мимо Джина в окно. Дыра в полулю тьму. Может, это последнее, что видел в своей жизни Брюс: из всего великолепия и разнообразия земли только грязное окно, ведущее в темноту.

– Я этого не делал, – сказал Джин. – Мы не делали. – Он оскалил зубы. – Но я трижды благодарю того, кто это сделал. Я хотел бы увидеть их всех, эту его сестру...

– Молчите!

Кинтайра самого поразила ярость, прозвучавшая в его голосе. Впоследствии его самого удивлял этот неожиданный приступ гнева.

Джин покачнулся. Неприятно свистнул. Отец тоже встал, массивный и встревоженный.

– Значит, вы как все, – сказал Джин. – Не понимаете. Она шлюха только внутри. Снаружи она как проклятая монашка. Знаете, как мы называли таких там, откуда я пришел? Про...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Додзе – школа боевых искусств. – Прим. пер.

2

В американских вузах все преподаватели именуются профессорами. Но есть три степени: младшая – ассистент профессор, средняя – ассошиэйтид профессор и высшая – фул профессор. В нашей вузовской системе примерно: старший преподаватель, доцент и профессор. – Прим. пер.

3

Гленливет – сорт шотландского виски. – Прим. пер.

4

О мертвых либо хорошо, либо ничего, латин. – Прим. пер.

5

Имя героя романа Синклера Льюиса, ставшее нарицательным для обозначения делового человека, следующего законам своего общества. – Прим. пер.

6

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, автор двухтомной книги «Жизнь Сэмюэля Джонсона», которая в Великобритании считается образцовой биографической книгой. В 20 веке были обнаружены новые сенсационные документы Босуэлла. – Прим. пер.

7

Старая религия, итал. – магия, колдовство, нацеленные на причинение зла. – Прим. пер.

8

Пилтдаунский человек – одна из самых известных мистификаций 20 века. Кости, найденные в Пилтдауне (Англия) в 1913 году, были выданы за останки древнего человека – «недостающего звена» между человеком и обезьяной. Подделка была разоблачена сорок лет спустя, примерно в то время, когда Андерсон писал свой роман. – Прим. пер.

9

Хватит, доченька, итал. – Прим. пер.

10

Ничего, сеньор, итал. – Прим. пер.

11

Проклятие, итал. – Прим. пер.

Норман Винсент Пил (1898–1993) – американский писатель и богослов, создатель «теории позитивного мышления». – Прим. пер.

Купить: https://telnovel.me/anderson_pol/ubiystvo-chernymi-bukvami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)